

Нуреев Р.М.

АЗИАТСКИЙ СПОСОБ ПРОИЗВОДСТВА КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА*

Азиатский способ производства в историко-материалистической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса предстает как первый антагонистический способ производства, обозначающий государственную систему сельских земледельческих общин. Поэтому в теории общественных формаций он занимает вполне определенное место: возникает в процессе разложения первобытнообщинного строя, исторически и логически предшествует рабовладельческому строю и феодализму¹.

Генезис азиатского способа производства. Для народов Востока характерен первый путь образования классов. Он возникает в условиях господства общинной собственности, когда происходит монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на собственности, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже. Второй путь образования классов связан с развитием частного труда и частной собственности. Наша задача сводится прежде всего к анализу материальных условий развития по первому пути, а именно: 1) предпосылок возрастания роли коллективного начала в целом и кооперативного труда в особенности; 2) причин монополизации общинной верхушкой функций в общественном разделении труда; 3) факторов преимущественного развития коллективной эксплуатации, а не индивидуальной, государственной собственности, а не частной. Общая материальная предпосылка классового образования, как отмечали основоположники марксизма,— появление в результате развития производительных сил стабильного прибавочного продукта, а также становление условий его накопления, отчуждения, производительного использования или обмена. С возникновением стабильного прибавочного продукта происходит перерождение союзов трудовой взаимопомощи в форму эксплуатации. Первоначально такие союзы возникали там и тогда, где и когда географическая среда или демографическая ситуация требовала расширения доли совместного, коллективного труда. Для союзов трудовой взаимопомощи были типичны по очередности обработки земельных наделов членов союза и обеспечение их участников питанием за счет средств того общинника, на поле которого трудился в данный момент коллектив. Имущественное неравенство позволяло более богатым членам союза использовать бригады трудовой взаимопомощи более длительный срок, так как они располагали большими запасами продовольствия. В результате экономическое неравенство усиливалось.

Фактором, усиливавшим неравенство, было и то, что получение семьей земельного надела для обработки предполагало нередко совместную работу по его введению в сельскохозяйственный оборот или улучшению (ирригация, террасирование склонов, выкорчевка леса, охрана территории от посягательств других общин и т. п.). Без этой предварительной совместной работы (коллективно-общественного труда) была невозможна работа на своем участке (индивидуальный труд). Иногда, как это мы наблюдаем почти во всей докапиталистической Тропической Африке, кооперация распространялась и на весь земледельческий процесс (борьбу с сорняками, совместную уборку урожая, а также на помощь одиноким пожилым людям и сиротам и т. п.)².

Другой причиной ведущей роли коллективного, совместного труда является патриархальная связь земледелия и ремесла внутри общины. Потребности в ремесле удовлетворяла группа мастеров, фактически находившихся на содержании общины, что также увеличивало роль коллективной формы труда. Еще В. В. Струве выдвинул гипотезу о том, что древнеегипетская община по структуре похожа на общину до колониальной Индии³. Сходство это делается более очевидным, если провести сравнение всех слоев деревенского населения. В древнеегипетской деревне эллинистического периода мы встречаем не только царских земледельцев и ремесленников, но и занимавших особое положение по отношению к ним греков и римлян, а также наемных работников, парамонэ, рабов и др.

---

* Опубликовано в книге «Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти», М.: Наука, 1993 год, с. 62-87

Любопытно отметить, что в такой деревне было развитое внутриобщинное разделение труда, включавшее почти все отрасли ремесла, обеспечивавшие полное воспроизводство необходимых средств производства и жизненных средств. Например, исследование египетской деревни Тебтюнис (Южный Фаюм) середины I в. н. э., проведенное А. Б. Ковельманом, показало наличие в ней ремесленников 35 специальностей, объединенных в специальные профессиональные и культовые корпорации⁴. Вполне логично допустить, что в условиях неразвитых товарно-денежных отношений в древнеегипетской деревне существовала система продуктообмена, аналогичная системе *джаджмани*, открытой В. Вайзером в 30-е годы XX в. в Хиндустане⁵.

Труд общинников в таких деревнях приобрел как бы переходный, полуобщественный-получастный характер. По словам Маркса, собственность при азиатском способе производства действительно реализуется в труде, в производстве не только прибавочного, но и необходимого продукта: 1) в труде по созданию ирригационной системы и других общественных сооружений, 2) в труде по созданию страхового общественного запаса, 3) в труде для покрытия издержек общины как таковой⁶.

В условиях имущественной дифференциации богатевшая общинная верхушка использовала институт взаимопомощи в целях повышения своего престижа, превращая его в орудие перераспределения прибавочного продукта в собственных интересах⁷. Отчуждение прибавочного продукта росло вместе с увеличением масштабов организации и (или) охраны трудовой деятельности. Каждая отдельная земледельческая община была не в состоянии справиться ни с природными бедствиями, особенно такими, которые носят периодический характер (наводнения, засуха и т. п.), ни с сильными соседями, если опасность их вторжения угрожала постоянно (кочевники и т. д.). При таких обстоятельствах часть возникшего прибавочного продукта могла служить своеобразной платой за помощь в борьбе с природой или за гарантию безопасности от грабежа соседей.

Эта плата стала материальной основой повышения социального статуса лиц, специализирующихся на выполнении организаторских функций. Обмен деятельностью между новыми лидерами и рядовыми общинниками с течением времени становился все более неэквивалентным. В результате возникает общественный слой, кровно заинтересованный в возникновении и упрочении протогосударственных структур (типа чифдом). Выдавая свои корыстные интересы за общественные, бигмены способствовали ускорению политогенеза. Так, непосредственной причиной объединения земледельческих общин явилось противоречие между постоянной угрозой быть раздавленным внешним миром и стремлением выделившейся надобщинной верхушки сохранить, упрочить и возвысить свой социальный статус.

Формы монополизации функций в общественном разделении труда - как основы отчуждения прибавочного труда или продукта—могли быть различны: 1) монополизация функций распределения совместно произведенного продукта или его части "(прибавочной и (или) необходимой); 2) монополизация сферы обмена в условиях, когда общество постоянно нуждалось в отсутствующих или недостающих средствах производства (камень, металл, лес и другие виды сырья и т. д.) или средствах существования (соль, шелк и т. д.); 3) монополизация условий производства и воспроизводства (ирригационные сооружения, накопленный производственный опыт, знания и т. п.); 4) монополизация функций контроля и управления общественным производством или отдельными его отраслями (например, маслоделие, пивоварение и производство папируса в Древнем Египте). В дальнейшем монополизация функций в общественном разделении труда могла дополняться и укрепляться собственностью на средства производства или на важнейшие жизненные средства.

Сельская земледельческая община. Для азиатского способа производства характерна наиболее ранняя форма эксплуатации, несущая на себе родимые пятна первобытности. В этом обществе налицо незавершенность процесса классового образования, выражающаяся в архаической нерасчлененности каждого из возникающих классов. Господство естественных производительных сил над общественными, коллективной формы труда над индивидуальной приводило к тому, что эксплуататору противостоял, как правило, не отдельный, обособленный индивид, а целая сельская земледельческая община.

Экономическую основу азиатского способа производства составляет сельская земледельческая община. Она возникла еще у мотыжных земледельцев и развивалась в дальнейшем на базе

хозяйственно-культурного типа пашенных земледельцев. В системе производительных сил азиатского способа производства ведущую роль играли естественные производительные силы, позволившие перейти к классовому обществу уже на стадии медно-каменного века. Еще в начале 30-х годов Е. Е. Яшнов справедливо отмечал, что в Азии существовали наиболее благоприятные условия для развития земледелия: теплый климат (вегетационный период продолжается круглый год), плодородные почвы, достаточно высокая эффективность искусственного орошения и оптимальное распределение осадков, - которые делали возможным сбор двух урожаев в год при выращивании высокопродуктивных и трудоемких культур (рис, пшеница и др.).

При относительном избытке труда и недостатке земли, неразвитости скотоводства и мелочной регламентации ремесла и торговли земля становилась не только главным богатством, но и основным условием существования непосредственных производителей. Проблемы прикрепления людей к земле не существовало. Наоборот, ограниченность земли способствовала, по мнению Е. Е. Яшнова, выработке целой системы мер, направленной на повышение ее естественного плодородия, на ее лучшее, более рациональное использование. Основным направлением прогресса было не внедрение новых орудий труда, машин и механизмов, не экономия труда, а стремление к повышению его качества⁸.

Необходимость проведения ирригационных работ способствовала развитию кооперации труда общинников. Для того чтобы поддерживать ирригационную систему в надлежащем порядке, необходим был целый комплекс работ по укреплению дамб, сооружению и восстановлению плотин, проведению, чистке и углублению больших и малых каналов. Чтобы представить себе колоссальные человеческие затраты для создания и поддержания бассейновой системы ирригации в Египте, приведем такой факт. Даже в первой половине прошлого века лишь по очистке русла канала длиной 100 верст (107 км), шириной 50 футов (15,3 м) и глубиной 7 футов (2,1 м) одновременно в Египте был прекрасный урожай, а при подъеме лишь на 8 локтей (4,2 м) — голод. Страбон также указывал, что в результате усилий Петрония (римского наместника в Египте при Августе) ирригационная система была улучшена настолько, что-и при подъеме на 12 локтей (6,3 м) был такой же урожай, как раньше при 14, и даже при 8 локтях подъема воды не было недорода⁹. Поэтому прав был К. Маркс, когда писал, что на Востоке «урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе—от хорошей или дурной погоды»¹⁰.

Высокая эффективность природной машины была лишь естественной предпосылкой, которую использовал господствующий класс для получения прибавочного продукта. В ходе становления и развития азиатского способа производства была разработана целая система мер, направленная на повышение естественного плодородия земли путем ирригации или террасирования склонов, создания «плавающих» островов или грядковой культуры и т. д. «Использование труда,—пишет, характеризуя традиционную аграрную экономику стран Востока, Ю. Г. Александров,— было направлено не столько на повышение его производительности, сколько на повышение качества работы — тщательности обработки земли, посевов и т. п. ...Соответственно. сформировался тип работника, занятого главным образом таким ручным трудом, тщательность которого имела приоритет перед его интенсивностью и производительностью»¹².

Результатом кропотливой обработки земли была высокая урожайность возделываемых культур. «Во времена Акбара, 1. е. в конце XVI в., - пишет В. И. Павлов, характеризуя экономику доколониальной Индии,— средняя урожайность пшеницы составляла 12,6 центнера с гектара (в Индии в 50—60-х годах XX в.—6,3 центнера с гектара), риса— 13,1 (9,7), ячменя— 13,1 (8,6), просяных—11 (5), масличных—от 5,5 до 9 (1,7— 4,1), бобовых—11 (6,1), хлопка—7,9 (1,1) центнера с га»¹¹. Высокая урожайность была типична и для древних цивилизаций Востока, причем она находилась на таком уровне, которого не удалось достичь ни античному миру, ни средневековой Европе. Важно подчеркнуть, что она была достигнута не за счет совершенствования техники (средств труда), а за счет больших затрат человеческого труда, кооперации рабочей силы, направляемой на поддержание высокого естественного плодородия земли¹⁴.

Необходимость коллективного труда для создания условий производства мешала появлению и развитию частной собственности, ограничивала процесс социальной дифференциации. В этом же направлении действовало и развитое внутриобщинное разделение труда, превращавшее деревню в самодовлеющее целое. Экономические связи с городом носили главным образом односторонний

характер: государственные чиновники поставляли в местный административный центр собранную с деревенских жителей ренту-налог.

Сельская земледельческая община состояла из больших патриархальных семей. Главы этих семей противоречиво совмещали функции эксплуататора (так как участвовали в эксплуатации несовершеннолетних сыновей, младших родичей, кабальных должников, арендаторов и рабов) и эксплуатируемого (так как подавляющую часть полученного прибавочного продукта платили в форме ренты-налога государству и должны были участвовать в общественных работах на благо верховной или местной власти).

Ренто-налоговая эксплуатация. Незавершенность процессов классового образования на Востоке проявлялась и в непосредственном совпадении верхнего слоя класса эксплуататоров с государством. Собственники средств производства и бюрократическая и военная машина образовали в этом обществе нерасчлененное целое. Государство еще не обособилось в самостоятельную надстроечную политическую организацию, служащую интересам господствующего класса. Политогенез предшествовал классовому образованию. Государство в условиях азиатского способа производства не только было следствием раскола общества на классы, орудием классового господства, но и являлось тем органом, который ускорял процессы классового образования.

Эксплуатация на Востоке носила, как правило, не частный, а государственный характер. Это нашло свое выражение в специфических формах прибавочного продукта: ренте-налоге и общественных работах,— которые распространялись на всех полноправных членов общества (подданных). Это отразилось и на экономических функциях государства. Государство на Востоке имело, по меткому определению К. Маркса, три основные отрасли управления: «финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»¹⁶.

Охарактеризуем формы эксплуатации. Исторически и логически первой из них является рента-налог.

Прибавочный продукт в виде налога платился не частным собственникам, а государству, которое в лице деспота распределяло его между бюрократическим аппаратом и армией. В условиях жесткого централизованного государства община предстает перед нами как фискальная единица, обеспечивающая своевременную уплату ренты-налога¹⁶.

Исследования показывают, например, что с царских земледельцев в Древнем Египте II тысячелетия до н. э. взимался налог в размере 30% урожая (7,5% в местный храм и 22,5%¹ в государственную казну)¹⁷. В Китае, например, в эпоху Хань (202 г. до н. э.—220 г. н. э.) арендная плата на государственных землях составляла около 40% урожая¹⁸.

Верховная государственная собственность. Экономической основой присвоения ренты-налога служила верховная государственная собственность на землю. «Если не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена,— писал К. Маркс в „Капитале“,—то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты... Государство здесь — верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»¹⁹.

Незавершенность процесса классового образования не могла не отразиться и на характере собственности на средства производства. Азиатский способ производства вырастает из первобытного общества, и поэтому в его недрах сохраняются остатки племенной собственности. Первоначально, когда общины являлись достаточно сильными и крепкими, а государство находилось еще в начальной стадии своего развития, центральной власти трудно было претендовать на общинные земли. Государственная собственность поэтому возникала прежде всего за их пределами: на отвоеванной у пустыни в результате ирригационных работ земле или на территориях, отторгнутых у соседей. Со временем правители восточных обществ начинали претендовать на земли, лежавшие между общинами, а также выделенную общинниками специально для них землю внутри общин, так называемые царские поля. На царской земле

организовывались государственные (храмовые) хозяйства, постепенно вовлекавшие в сферу своей деятельности и хозяйства обедневших общинников.

В процессе развития классового общества и усиления центральной власти происходило ослабление общины. Многие общинники теряли право собственности на землю, что выражалось в увеличении уплачиваемого государству налога. По мере роста степени эксплуатации работники царско-храмовых хозяйств и формально свободные общинники по своему социально-экономическому положению сливались в единую категорию «царских людей». Это означало по сути слияние ренты с зависимых от царя работников государственного (храмового) хозяйства с налогом формально свободных общинников. Именно эту ступень развития имел в виду К. Маркс, когда писал о совпадении на Востоке государственной собственности на землю и суверенитета.

Развитие государственной собственности на землю не везде дошло до законодательного оформления, как, например, в большинстве государств Тропической Африки. Однако в пользу ее реального существования говорит уже сам факт получения центральной властью ренты-налога.

Частное землевладение на Востоке развивается главным образом сверху: центральное правительство предоставляло право сбора налогов (иногда даже «на вечные времена») тем или иным представителям господствующего класса. Однако подобные пожалования чаще были временными и условными. Государство нередко перераспределяло их или просто заменяло одно владение другим. К тому же номинальное право государственной собственности часто становилось вполне реальным благодаря монополии на отправление верховных административно-хозяйственных функций, присвоению основной части прибавочного продукта, контролю за ирригационной системой, царско-храмовым хозяйством, высшими ремеслами и т. д. В этих условиях частные хозяйства имели подчиненный характер и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на землю. Поэтому рабы, крепостные и наемные работники образовывали лишь дополнительную рабочую силу, которая никогда не составляла существенной конкуренции царским земледельцам и ремесленникам — основному классу непосредственных производителей древневосточных обществ. Перед бюрократическим аппаратом пресмыкались и раболепствовали не только нижние чины, но даже экономически самостоятельные люди. Это общество не знало свободной личности. Здесь не существовало надежной гарантии частной собственности. Даже представители высшей знати не были свободны от телесных наказаний. Обожествленная деспотическая власть стремилась подавить всякое проявление инициативы, малейшие признаки любой самостоятельности.

Общественные работы. Другой формой эксплуатации непосредственных производителей являлись общественные работы. Государство не только регулировало водоснабжение, но и, используя древнюю форму союзов трудовой взаимопомощи, под видом общественных работ заставляло свободных общинников за одну только пищу нести трудовые повинности в пользу деспота* в течение определенного времени (до двух-трех месяцев), т. е. заниматься обработкой царских земель, работать в государственных рудниках, принимать участие в строительстве и ремонте дорог, царских дворцов, гигантских культовых сооружений (храмов и т. д.).

Установление контроля над распределением водных ресурсов создавало благоприятные условия для увеличения зависимости отдельных общинников от государственных чиновников, в руках которых находилась ирригационная система. Поэтому, чем совершеннее становилась ирригационная система, тем больше увеличивалась власть государства над общинами. Зависимость труда отдельного общинника от результатов коллективного труда общины перерастала благодаря общественным работам в зависимости общины от руководителя местной администрации.

Таким образом, мы видим, что в основе господства класса эксплуататоров на Древнем Востоке лежала не только монополия государственной собственности на землю, но и монополия на накопленный прибавочный труд, материализованный в ирригационных сооружениях, а также монополия на передаваемую из поколения в поколение информацию.

Собирая с подданных натуральный налог, государственные чиновники осуществляли сбор, хранение и доставку земледельческих продуктов. Создаваемые ими склады продовольствия позволяли государству одновременно созывать и кормить тысячи и даже десятки тысяч общинников, труд которых широко использовался при строительстве циклопических сооружений тех лет. Здесь эксплуатировался непосредственно обобществленный труд, причем его

общественный характер перерос в данном случае границы общины и достиг уровня общества. Для него типичны три особенности. Первая заключалась в том, что он имел подневольный, принудительный характер. Вторая особенность вытекала из уровня развития производительных сил: непосредственные производители использовали преимущественно индивидуальные орудия труда, еще не существовало общественного характера средств производства. И наконец, третья связана с тем, что он служил в основном паразитическим целям господствующего класса.

Необходимо остановиться также на форме прибавочного труда эксплуатируемых. Дело в том, что труд в ведомстве общественных работ по существу не является отработочной рентой. В условиях феодализма непосредственный производитель, самостоятельно воспроизводя продукт в своем хозяйстве, целиком и полностью обеспечивает себя в течение всего года, даже в период барщины. Здесь мы встречаемся с государственным обеспечением общественных работ. Государство, в отличие от феодала, аккумулирует не только весь прибавочный, но и часть необходимого продукта. Перераспределив последнюю, оно возвращает ее в течение тех месяцев, которые общинник трудится в ведомстве общественных работ.

Эта форма отличается и от рабовладения, где и необходимый, и прибавочный продукт воспроизводятся в хозяйстве рабовладельца, причем и тот, и другой представляются в виде труда на хозяина, и от феодализма, где производство необходимого и прибавочного продукта разделено во времени и в пространстве.

Чтобы найти аналогичную систему деления продукта, нам предстоит перенестись в современный тип командной экономики, так называемый государственно-бюрократический социализм. Политическая экономия социализма делила весь продукт также на две части: продукт для себя (часть необходимого продукта в форме заработной платы) и продукт для общества (весь прибавочный продукт и часть необходимого продукта в виде общественных фондов потребления)²⁰.

В дальнейшем по мере расширения и укрепления частного землевладения главное место заняла рента-налог, которая под влиянием развития товарно-денежных отношений, и особенно ростовщичества, превратилась в арендную плату. Рост задолженности непосредственных производителей ростовщикам приводил не столько к обезземеливанию крестьянства, сколько к потере им полного права на владение землей. Он означал скорее вторжение частных интересов в сферу налогообложения государства. Крупное землевладение реализовалось на Востоке не в организации крупного производства, а в концентрации доходов в руках землевладельцев. На один и тот же клочок земли претендовала теперь кроме непосредственного производителя и государства еще группа посредников (чиновников и ростовщиков).

Государство, заинтересованное в сохранении налогоплательщиков, запрещало сгонять непосредственных производителей с принадлежавших им когда-то земель, превращало их в защищенных законом арендаторов. В условиях аграрного перенаселения на Востоке поземельная форма зависимости прочнее других форм связывала эксплуатируемого с эксплуататором.

Мы уже отмечали, что в древневосточной деревне работала группа ремесленников, удовлетворявшая почти все потребности непосредственных производителей. Наряду с этими группами на древнем Востоке рано сложились и достигли высокого уровня развития корпорации ремесленников, обслуживавших господствующий класс, и прежде всего деспота и его ближайшее окружение. Вместе со становлением раннеклассового общества! происходило отделение высших ремесел от низших. Низшие ремесла обслуживали население деревень, а с появлением городов — и рядовых жителей города. Высшие ремесла были включены в систему государственного (царско-храмового) хозяйства²¹.

Государственное хозяйство. Государство содержало обширные мастерские, в которых из поколения в поколение, от отца к сыну, передавался опыт лучших мастеров. И если сельское ремесло, удовлетворявшее несложные потребности деревенских жителей, было консервативно и почти не изменялось на протяжении столетий и даже тысячелетий, то прогресс высших ремесел был поистине стремителен. По существу, все свидетельства, характеризующие успехи восточного ремесла, относятся к этой высшей ветви. Оно рано достигло пределов, которые возможны в условиях ручного труда. Ремесло это, обслуживавшее изощренные вкусы господствующего класса, граничило с искусством. Достигло оно такого уровня, потому что находилось на полном обеспечении государства.

Документы царского архива из Дёр эль-Медина рассказывают об особенностях планирования, организации и нормирования труда мастеров и вспомогательной рабочей силы (людей — smelt)²². Как и все древнеегипетское население, работники царского некрополя были разбиты на возрастные классы и профессиональные категории. Каждая группа должностных лиц получала наряд на выполнение определенной работы в соответствии с общим планом. Существовали дневные, декадные и месячные нормы для работников различных профессий. Е. С. Богословский отмечает, что «то же слово p'sntj, которым обозначался план намеченной к строительству гробницы, применялось и для обозначения плана поставок рыбы, причем „план" сопоставляли с „получением" (ssp), т. е. с его выполнением»²³.

В Древнем Египте, например, большая группа отраслей, связанная с обслуживанием заупокойного культа, а также маслоделие, ряд текстильных производств, пивоварение, производство папируса были монополизированы правительством. Степень монополизации разных отраслей была различна. В высокомонополизированных отраслях (типа маслоделия в эллинистическом Египте) монополия распространялась на все стадии производства и реализации продукции, от получения сырья до **вывоза** за границу.

Так, в эллинистическом Египте государственные чиновники строго регламентировали посадку масленосных растений, контролировали сбор и поступление урожая в государственные кладовые. Маслоделы были лишены средств производства и должны были работать под надзором государственных контролеров: номового эконома²⁴ и подчиненных ему откупщиков. Последние строго следили за соблюдением технологии и ежедневной выработкой маслоделов, вели учет количества и контролировали качество продукции. Производственные сорта растительного масла реализовались по государственным (монопольным) ценам как внутри страны, так и за рубежом (существовала государственная монополия внешней торговли)²⁵.

Конечно, далеко не все отрасли были столь строго регламентированы государством. Для большинства из них были характерны лишь отдельные из перечисленных выше монополии. Ряд производств сдавался на откуп. Однако очевидно, что перечисленные монополии носили в значительной степени искусственный характер и были вызваны к жизни не столько потребностями развития тех или иных ремесел, сколько активностью надстройки, ее фискальными интересами. Несомненно и то, что государственная регламентация производства и обращения препятствовала развитию товарного хозяйства.

Ремесленники трудились под надзором чиновников в государственных мастерских. Сырьем их обеспечивало государство, оно же реализовало их продукцию. Ремесленники получали за работу натуральную или денежную плату. Нередко им запрещалось заниматься своей профессией вне царских мастерских, поэтому в свободное от работы время (производство масла, например, носило в Египте сезонный характер) они нанимались батраками к земледельцам. Ремесленники были организованы в корпорации, которые отстаивали их права. В случае длительной задержки оплаты ремесленники бросали работу до тех пор, пока оплата не возобновлялась. Истории древнего Востока известны примеры таких древнейших забастовок.

Положение царских ремесленников приближалось к положению царских земледельцев. Они также зависели от государственной администрации, трудились под ее неослабным контролем. Их юридическая свобода сочеталась с экономической зависимостью. Тот факт, что вместе с ними в ряде производств трудились и рабы, несомненно, влиял и на их положение. Однако они прекрасно осознавали свое отличие от рабов, отстаивали свои права и боролись против злоупотреблений центральной и местной власти. Перечисленные признаки позволяют квалифицировать их как наемных работников докапиталистического типа, для которых характерно противоречивое сочетание признаков рабства и наемного труда.

В государствах Востока классическое рабство не получило широкого распространения. Основными сферами его применения были горное дело и в некоторой степени ремесло и земледелие. Рабы принадлежали государству, храмам и частным лицам. Хотя существовало долговое рабство, самопродажа свободных людей в рабство и другие формы, все же основным источником пополнения государственного рабовладения было порабощение иностранцев (обращенных в рабство в ходе войн или полученных в форме дани). Однако их положение на Востоке заметно отличалось от традиционного представления о рабстве. У военнопленных, в частности, сохранялись некоторые права свободного населения, они могли владеть недвижимым

имуществом и отчуждать его, часто даже земельные участки; имели самостоятельное хозяйство; как и общинники, платили налог; работали со своей малой семьей.

В Древнем Египте, например, не существовало даже юридического запрета на браки между свободными и государственными рабами. К тому же экономическое положение государственных рабов было значительно ближе к положению царских земледельцев и ремесленников, чем к античному рабству. Поэтому свидетельства восточных деспотов о десятках и сотнях тысяч военнопленных (там, где это не является прямой фальсификацией) надо рассматривать скорее как массовое переселение, чем как обращение в рабство.

Усиление эксплуатации способствовало унификации различных групп зависимого населения, приводило к «поголовному рабству» (Ксенофонт). Всеобщая зависимость от деспотического государства, обезличенность индивида в рамках общинной организации, бесконечные налоги и поборы замедляли процесс дифференциации общинников, а следовательно, и появление частных собственников, частных рабов и крепостных. Отсюда понятно ленинское определение азиатского деспотизма как государственного строя, который «обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации»²⁶.

Формы государственной регламентации экономической жизни страны. На Древнем Востоке осуществлялся строгий учет-материальных и трудовых ресурсов. С этой целью периодически проводились переписи населения, составлялись земельные кадастры, учитывались скот и другие материальные ресурсы.

Переписи населения, как правило, осуществлялись по определенным разрядам: воины, жрецы, царские земледельцы и мастера. Эта классификация восходит к эпохе первобытности, для которой было характерно деление на возрастные классы: дети (отроки), юноши, зрелые мужи, старики. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. «[Как"] вышел человек из утробы матери своей,—читаем мы в древнеегипетском школьном поучении,—{так и] согнулся перед начальником своим:

отрок сопровождает воина; юношу [отдают] в новобранцы; старика постоянно дают в земледельцы; [зрелый] муж [становится] воином»²⁷.

Каждый возрастной класс выполнял свои функции. Перевод в другой возрастной класс, распределение и перераспределение трудовых ресурсов по определенным профессиям являлись прерогативой представителей государственной власти. В ходе царских смотров часть прошедших соответствующую подготовку юношей становилась чиновниками (писцами), часть пополняла ряды жрецов, часть становилась воинами, часть — мастерами, оставшиеся превращались в царских земледельцев («старика постоянно дают в земледельцы»). Условием повышения социального статуса царских земледельцев было получение образования или профессии, важное значение для продвижения по службе имела грамотность.

В древнеегипетской литературе мы постоянно встречаемся с поучениями—произведениями, пропагандирующими и восхваляющими карьеру чиновника-писца. Наиболее известно среди них «Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» (эпоха Среднего царства). «Неграмотность—ничто, она равносильна зависимости,—воскликает Ахтой.—...[Занятие писца] превосходит любое занятие: нет равного ему в Земле этой (т. е. в Египте.- Р. Н.). [Ведь] он (т. е. писец.—Р. Н.) начинает процветать еще ребенком»²⁸. Поучение Ахтоя—это не просто собрание правил житейской мудрости, а древнейшее описание социальной организации Древнего Египта²⁹. Дело в том, что противопоставление профессии писца другим профессиям, чиновничества — пароду вовсе не является художественным образом или красивой метафорой, цель которой—приобщить молодежь к учебе и образованию. Ахтой показывает вполне реальную альтернативу: если его сын не станет чиновником, ему неизбежно придется заняться одной из указанных «низких» профессии и потерять высокий социальный статус.

На Древнем Востоке учитывались не только трудовые, но и материальные ресурсы, прежде всего земля, в соответствии с качеством которой устанавливались нормы налоговых выплат. До нас дошли документы, показывающие результаты периодически проводившихся осмотров и обмеров государственных владений,—земельные кадастры, наиболее известным среди которых

является Папирус Вильбура³⁰. В этом документе, составленном в период разлива Нила в июле—августе 1158 г. до н. э., дается оценка норм валового сбора зерна (эммера и ячменя) в зависимости от типов земли, засеянной площади, средних норм урожайности (для каждого типа земли) и числа ответственных за сбор урожая земледельцев.

Нередко ответственными за сбор урожая являлись не сами непосредственные производители, а специальные чиновники государственной власти — «агенты фиска», которые осуществляли контроль за деятельностью царских земледельцев, следили за выполнением «семенного предписания», согласно которому осуществлялись посев и уборка урожая³¹. Важную роль в обеспечении государственных поступлений играли центральные и местные храмы.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций управления, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. В то же время для системы управления была характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становились гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинали выполнять функции военных. В условиях азиатского способа производства главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти.

Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице. Это видно, например, из жизнеописания вельможи Уны (XXV—XXIV вв. до н. э.). За свою жизнь он сменил самые разнообразные должности при трех фараонах VI династии—Тети II, Пиопи I и Меренра I. В юности, в годы правления Тети II, Уна исполнял должности «начальника дома шена» (мастерских или амбаров), а затем «смотрителя дворцовых хентиу-ше» (вероятно, арендаторов царских земель). При Пиопи I вельможа «пошел в гору» и стал «старейшиной дворца» и «смотрителем жрецов города» при пирамиде фараона. Ступенями его карьеры были затем исполнение судебных обязанностей и руководство пятью карательными походами против восставших бедуинов. «Когда я был дворцовым ачет (должность.—*P. H.*) и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, мой господин... назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Элефантины на юге до Афродитопольской области на севере,— перечисляет Уна вехи своего жизненного пути,— так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня»³².

Неудивительно, что еще в Древнем царстве появляется специальное сочинение о том, как «выбиться в люди»,—своеобразное древнеегипетское пособие для начинающего чиновника-карьериста. Оно сообщает, как следует вести себя с начальством, с равными по положению коллегами и с подчиненными. «Кодекс поведения» распространяется не только на службу, но и на семью, он настоятельно рекомендует, как надлежит вести себя с родными и близкими. Это—своеобразный древнеегипетский прообраз книг Дейла Карнеги и аналогичной литературы, пропагандирующей личный успех. Ее суть — не обучение молодого человека высоким принципам нравственности, понятиям совести, и долга, а воспитание толкового чиновника, умело приспособляющегося к иерархической системе государственного управления Древнего Египта³³.

В обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники занимали особое место. Представители государственной власти имели прямые и косвенные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращались в своеобразную синекуру, обеспечивавшую безбедное и беззаботное существование. В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью.

Характерно, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственности и противопоставления ей³⁴. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частных владений государственной собственностью.

Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные

владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда. Для того чтобы тот или иной предмет стал личной (частной) собственностью, необходимо было выполнение следующих условий. Во-первых, чтобы он был сделан своими руками и в свободное от служебных обязанностей время, в период, когда мастер не работал над сооружением царских объектов (в нерабочее время). Во-вторых, необходимо было доказать, что предмет (постройка, гробница) был сделан из собственного материала (а не из сырья, полученного с царских складов), причем собственными, а не принадлежащими царю орудиями труда. В-третьих, и это прежде всего касалось различных строений, чтобы сооруженный объект находился не на царской, а на собственной или ничьей земле³⁵.

В условиях азиатского способа производства была выработана довольно стройная система взглядов не только на то, как вести сложное государственное хозяйство, обеспечивая его рабочей силой, средствами производства, а работников—продовольствием. но и на то, как преследовать расхитителей государственного имущества.

Эффективность хозяйства. Целью производства в условиях азиатского способа производства было получение прибавочного продукта ассоциацией эксплуататоров («сплотившимся господствующим классом»). Средством достижения этой цели была эксплуатация общинного крестьянства на основе монополизации общественных должностных функций в воспроизводственном процессе или государственной монополии на землю как на объект собственности. Собранная в натуральной форме рента-налог в условиях относительно невысокого уровня развития потребностей и ограниченных возможностей ее грабнирприики и обмена не могла быть полностью потреблена господствующим классом и частично служила для материального обеспечения общественных работ.

Рента-налог включала не только прибавочный, но и частично необходимый продукт, который служил фондом жизненных средств мобилизованных на общественные работы крестьян. Если функции господствующего класса ограничивались лишь изъятием части произведенного продукта, то в таком случае правильно говорить об эффективности системы *присвоения* ренты-налога. Лишь тогда, когда вмешательство господствующего класса распространялось и на организацию процесса труда, можно говорить об эффективности *производства* ренты-налога. В последнем случае показатель эффективности будет выглядеть так:

$$\mathcal{E}_a = \frac{PH}{\Pi}$$

где $\mathcal{E}_a$ — эффективность азиатского способа производства, PH—рента-налог, Π —весь произведенный продукт.

Рост хищений и разворовывание государственного имущества неизбежно приводили к снижению дополнительной эффективности новых централизованных инвестиций в экономику. Это могло быть связано также и с неэффективностью решений, принимаемых на вершине иерархической власти. В результате новые вложения в экономику приносили всё меньшую отдачу, а иногда даже давали отрицательный эффект.

системы заключалась в том, что обратная экономическая связь срабатывала далеко не сразу.

Эффективность общественных работ, конечно, практически никогда не рассчитывалась, да и вряд ли она может быть рассчитана, так как эти работы нередко означали бессмысленную с точки зрения развития производительных сил и производственных отношении трату (паразитическое потребление) прибавочного продукта. В условиях азиатского способа производства если и производились расчеты, то главным образом не эффекта, а затрат. В Древнем Египте, например, на основании сложившихся норм выработки производились расчеты потребления рабочей силы и средств производства, необходимых для бесперебойного течения общественных работ. Господствующий класс при этом интересовали не затраты, а конечный результат, готовый объект, сколько бы затрат он ни стоил. Основные затраты — затраты труда — были бесплатными для господствующего класса: ведь крестьяне и ремесленники, мобилизованные на строительство, потребляли в период общественных работ созданный ими же необходимый продукт (точнее, централизуемую его часть).

Высокий уровень ренты-налога, чудовищная растрата труда непосредственных производителей в ведомстве общественных работ, паразитическое потребление прибавочного

продукта затормозили развитие общественных производительных сил, способствовали обеднению трудящихся масс, замедлению темпов развития азиатского способа производства. Зависимость индивида от общины и общины от государства препятствовала развитию частного труда и частной собственности, повышению эффективности и культуры индивидуального производства. Преодолеть эти препятствия на пути технического прогресса стало возможным лишь в условиях становления античного способа производства.

Уровни воспроизводства. Азиатский цикл. Анализ азиатской формы эксплуатации был бы не полным, если бы мы не показали процесс ее воспроизводства, закрепления и развития в системе производственных отношений, т. е. не показали бы ее способообразующую роль. Порядок исследования определяется структурой эксплуатации и движением прибавочного продукта - (как результата системы принуждения), показанным **ниже**.

Соответственно этому движению и воспроизводство должно быть рассмотрено: 1) на уровне патриархальной семьи и общины, 2) на уровне административной единицы, 3) на уровне деспотии.

Первый уровень был подробно рассмотрен ранее, и здесь остается лишь добавить, что в его самовоспроизводстве и скрывается основная причина застойности азиатских обществ. «Простота

Схема движения прибавочного продукта (в форме ренты-налога)

производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики»³⁷.

Рассмотрим теперь, как распределялся прибавочный продукт, выкачиваемый из общины. Значительная его часть присваивалась посредниками—ростовщиками и местными чиновниками. Долговые обязательства заключались как в натуральной, так и в денежной форме. Нередко обеспечением таких займов служило имущество должника, его зерно, скот, рабы, поле, серебро и т. д. В случае его смерти долг должны были уплатить наследники. Высокая норма процента и достаточно жесткие условия предоставления ссуды свидетельствуют о неразвитости обращения и господстве натурального хозяйства.

«При азиатских формах, - пишет К. Маркс, - ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции»³⁸. В руках местных чиновников постепенно концентрировались финансовые и военные ресурсы данной административной единицы. Такая область самостоятельно воспроизводилась, и в рамках деспотии она удерживалась лишь силой оружия деспота. Всякое ослабление его армии усиливало центробежные тенденции.

Наконец, последний и главный уровень, которого достигал прибавочный продукт,—это уровень деспотии. «Города в собственном смысле,— писал К. Маркс, характеризуя азиатский способ производства,—образуются здесь наряду с этими селами только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд»³³. В условиях замкнутой экономики азиатского способа производства возможности обмена гигантского прибавочного продукта, собранного в натуральной форме, были крайне ограниченны. И не потребленные господствующим классом, избыточные (с его точки зрения) запасы продовольствия используются в виде государственного обеспечения общинников во время общественных работ.

Подобная система воспроизводства на базе паразитического потребления прибавочного продукта затормозила дальнейшее развитие этих народов, заиклила их поступательное движение. Азиатское общество, у которого прибавочный продукт как результат деятельности всей общины шел не на развитие индивидов, а отбирался в виде ренты-налога и паразитически потреблялся деспотом, наемной армией и бюрократическим аппаратом, застойно, ему были закрыты все стимулы для дальнейшего развития, его ожидал в будущем лишь распад, так как хозяйственное развитие его отдельных областей и их управление стереотипны.

Однако с распадом государства расстраивалась ирригационная система, возрастала активность покоренных народов и зависимого населения, стремившегося сбросить ненавистное иго, росли междоусобицы, учащались набеги соседних племен и кочевников, и снова те же причины вызывали создание новой деспотии, которая также проходила определенный цикл, на более высоком уровне, повторяя все предыдущее: возникновение — расцвет — распад.

Экономическое самосознание Востока. Экономическая мысль — одна из форм самосознания людей, живших в условиях азиатского способа производства, она позволяет нам более полно представить экономическую систему азиатского способа производства. О ней мы можем судить по письменным источникам, которые, с известной долей условности, можно разделить на две большие группы: 1) документы, непосредственно отражающие хозяйственную деятельность; 2) произведения, представляющие собой попытку осмыслить отношения, складывавшиеся в производстве, распределении, обмене и потреблении жизненных благ.

Первый тип документов фиксировал эмпирический опыт, а также сложившиеся (и воспринимавшиеся естественными в повседневной деятельности) нормы и нормативы. К числу такого рода документов относятся переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупку земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т. д.).

Второй тип документов как самостоятельная группа источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифопоэтического творчества древних народов. Для того чтобы понять особенности такого отражения, кратко охарактеризуем основные типологические особенности восточной духовной культуры.

Экономические представления жителей Востока, как и представления первобытного человека, были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему. Восточная литература наполнена многообразными символами. Это связано не только с общим уровнем развития культуры, но и с самим характером письменности. Для того чтобы обучаться этому письму, требовались годы. Поэтому письменность была уделом избранных, понимать таинственный характер знаков могли не многие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символической. Неудивительно, что каждое восточное сочинение сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер (древнеегипетские Поучения, древнеиндийские Дхармашастры и т. д.).

Одной из главных черт древневосточной литературы являлся ее государственно-нормативный характер. В этом своеобразно отразились экономические условия восточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных. Действительность в письменных источниках отражалась главным образом в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование велось прежде всего от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Центральное место занимали поэтому вопросы организации и управления государственным хозяйством (Артхашастра, Гуань-цзы и др.). В древнеегипетских документах, например, мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — *чати* (древнеегипетский предшественник средневековых арабских визирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские способности и звучные должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти.

Неудивительно, что письменные источники, как правило, носят нормативный характер, что в них отразилась суровая дисциплина всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда и быта царских земледельцев и ремесленников и т. д.). Дидактический настрой имеет даже та литература, которая формально являлась «частной» («Поучение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи»; конфуцианские «Беседы и суждения» и т. д.). Догматизм восточной литературы состоит и в том, что для нее типичен не только традиционализм формы, но и априорный, бездоказательный характер содержания.

Глубокий и всесторонний символизм — органическая черта не только раннего периода развития экономической мысли Древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет во времена Древнего и Среднего царства. Шумер, Аккад и др.), но и более поздней эпохи, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.).

На протяжении всей истории Востока в центре экономической мысли были проблемы организации и управления государственным (царско-храмовым) хозяйством. Они включали в себя в качестве составных частей организацию собственного (царско-храмового) натурального хозяйства и государственную регламентацию неразвитого товарного хозяйства. Организация натурального хозяйства предполагала учет факторов производства (труда, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, организацию страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте и Шумере и т. д.), а также заботу о дальнейшем расширении воспроизводства (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т. д.), так и — что было гораздо реже — с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становилось и частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить главным образом по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (Законы Хаммурапи, Среднеассирийские законы, Хеттские законы и др.). Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследования.

Законы Старовавилонского царства, например, предусматривали различные формы государственного регулирования экономической деятельности населения и контроля над ней. Развитие товарно-денежных отношений допускалось в таких пределах, которые ограничивали процессы массового разорения свободных лиц, а также ставился надежный заслон на пути отчуждения недвижимой собственности царских служащих и работников. Однако защита частного владения и собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства.

Хеттское законодательство сделало шаг к еще большей регламентации экономической жизни населения, подчинив ее целям создания военной монархии. Государство с рациональной деловитостью и мелочной заботливостью пресекало развитие частной собственности, определяя строгие границы товарно-денежных отношений. Регламентация цен, с одной стороны, отражала неразвитость товарно-денежных отношений, фиксировала давно сложившиеся натуральные пропорции обмена, а с другой стороны, препятствовала стихийному развитию рыночного механизма. Однако статьи, регулирующие экономические отношения, в древних судебныхниках переплетались со статьями об уголовных делах, гражданское право причудливо соединено с семейным, информативное начало господствует над обобщением, конкретное — над абстрактным.

К числу высших достижений древневосточной экономической мысли следует отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством (Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара, Артхашастра, Гуань-цзы), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе (учение Конфуция и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового **строя**.

Любопытно, что уже в Древнем Египте возникает своеобразный жанр чиновничьей антиутопии (Речения Ипусера, Пророчество Неферти). Он восхваляет идею централизации «от противного», показывая, к чему пришло бы общество, если бы была разрушена централизованная государственная машина⁴⁰.

Значительны достижения древневосточной мысли и в разработке конкретных экономических дисциплин (учета и анализа хозяйственной деятельности, статистики, аграрной науки, управления). Эти достижения получили дальнейшее развитие в эллинистический и римский период. Наконец, не следует забывать, что именно в этих древних цивилизациях были заложены основы экономических воззрений ученых средневекового Востока, сформулированы основные положения, которые комментировались и развивались последующими поколениями.

Главной особенностью развития экономической мысли средневекового Востока является то, что она продолжала разрабатывать проблемы, поставленные еще в древности. Преемственность развития экономической мысли объясняется прежде всего преемственностью социально-экономического и политического строя. В центре экономической мысли средневекового Востока находились вопросы управления страной, налогообложения населения и обогащения государства. При этом ученые стремились предложить такую систему мер, которая, удовлетворяя интересы господствующего класса, обеспечивала бы нормальное течение воспроизводства, мир и спокойствие в стране.

Изучение памятников экономической мысли средневекового Востока связано не только с трудностями изучения восточных языков и постижения сложных религиозных систем (индуизма, буддизма, конфуцианства, даосизма, ислама и др.). Оно связано прежде всего с самим специфическим, символическим характером восточной культуры, обладающей известной иносказательностью, «недосказанностью», требующей особой встречной духовной работы. Высокий профессионализм ученых Востока предполагает и определенный уровень подготовки читателя их произведений.

В эпоху средневековья более рельефно выделились региональные особенности различных школ экономической мысли.

Важнейшей особенностью экономической мысли Индии явились множественность и параллельность культур, связанных с существованием кастового строя. Однако богатство и сложность формы здесь нередко сочетались с традиционностью содержания. Поэтому экономические трактаты воспринимаются как вариации на одну и ту же тему, то обрастая все новыми мотивами, то возвращаясь к первоначальной простоте.

Особенностью экономических сочинений Китая было то обстоятельство, что чаще всего их автором был человек или находящийся на государственной службе, или стремящийся получить должность. Государственный чиновник выступал здесь как главный создатель духовной культуры. Неудивительно поэтому, что ведущей темой по-прежнему оставались вопросы управления государством, поощрения земледелия как главной сферы производства и ремесла и торговли как дополняющих его сфер.

Большое воздействие на развитие экономической мысли Ближнего Востока оказал ислам. Арабы в ряде областей знания выступали как прямые наследники античности. Однако из ее духовного мира они усвоили больше рациональное, чем гуманистическое начало. Мусульманская культура ближе к Древнему Востоку, чем к западноевропейскому феодализму. С древневосточной литературой сочинения мусульманских авторов роднят ориентация на традиционные темы, подражание предшественникам, дидактический настрой, любовь к «фундаментальным» произведениям — своеобразным энциклопедиям средневековых знаний. В этих сочинениях нередко содержатся гениальные догадки и суждения (например, в работах Ибн Халь-дуна)⁴¹ К сожалению, они не получают дальнейшего развития в трудах последующих ученых.

⁴⁰ О развитии взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на докапиталистические формации и место среди них азиатского способа производства см.: Всемирная история экономической мысли в шести томах. Т. 2. М., 1988, с. 475—503.

⁴¹ О союзах трудовой взаимопомощи см.: Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970, с. 182—184; Африка: возникновение отсталости и пути развития. М., 1974, с. 114—120 и др.

⁴² См.: Струве В. В. Общины Египта и Шумера и общины Индии. — Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. Вып. 4. Л., 1963, с. 52—54.

⁴³ Ковельман А. Б. Египетская деревня середины I в. н. э. (по архиву тебтюнискского графеяна). Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 13—19.

⁴⁴ Джаджмани — система традиционного продукте- и услугуобмена, сложившаяся на базе развитого внутриобщинного разделения труда между земледельцами (джаджманами) и обслуживающими их неземледельцами — ремесленниками и слугами (каминами). Традиционный обмен деятельностью в различных районах Южной Азии имел разные названия: «сэп» в Пенджабе, «аат» в Раджастхане, «джаджмани» в Хиндустане,

«балюте» в Махаращре, из которых в научной литературе закрепился термин «джаджмани», введенный В. Вайзером. См.: *Wizer W. H. The Hindu Jajmani System*. Lucknow, 1936;

Кудрявцев М. Л. Община и каста в Хиндустане. М., 1971; *Алаев Л. Б.* Сельская община в Северной Индии. Основные этапы эволюции. М., 1981, с. 67—71, 125—133, 183—186, 205—212.

⁶ См.: *Маркс К** Экономические рукописи 1857—1859 годов.—Т. 46. Ч. 1, с. 464.

⁷ Этот вопрос детально разработан в современной этнографической литературе, главным образом в трудах сторонников так называемого неэволюционизма: Э. Р. Сервиса, М. Х. Фрида, М. Д. Салинза и др. См.: *Service E. R. Primitive Social Organization. An Evolutionary Perspective*. N. Y., 1962;

Service E. R. Cultural Evolutionism: Theory in Practice. N. Y., 1971; *Service E. R. Origin of the State and Civilization*. N. Y., 1975; *Fried M. H. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology*. N. Y., 1967; *Sahins M. D. Tribesmen*. Englewood Cliffs, 1968; *Origins of state*. Ed. R. Cohen and E. R. Service. Philadelphia, 1976; *The Early State*, Ed. H. J. M. Claessen and P. Skalnik. The Hague, 1978.

Краткий обзор основных достижений по этому вопросу см.: *Васильев Л. С.* Становление политической администрации (от локальной группы охотников-собирателей к протогосударству-чифдом).—*Народы Азии и Африки*. 1980, № 1.

⁸ См.: *Яишов Е. Е.* Особенности истории хозяйства Китая. Харбин, 1933, с. 70.

⁹ См.: *Рафалович А.* Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты. СПб., 1885, с. 167 (цит. по: *Шолто Н. А.* Иригация в древнем Египте. Ученые записки ЛГУ. Серия исторических наук. Вып. 9. Л., 1941, с. 85).

¹⁰ *Лурье И. и др.* Очерки по истории техники древнего Востока М.—Л., 1940, с. 148.

¹¹ *Маркс К.* Британское владычество в Индии.—Т. 9, с. 133.

¹² *Александров Ю.* Относительное перенаселение и экономическая слаборазвитость.—*Азия и Африка сегодня* (ААС). 1982, № 3, с. 31.

¹³ *Павлов В. И.* К стадийно-формационной характеристике восточных обществ в новое время.—*Жуков Б. М., Баре М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.* Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М., 1979, с. 196.

¹⁴ «В восточной аграрной экономике, опиравшейся на орошаемое земледелие, объектом хозяйственного расчета являлась прежде всего земля. Количество требуемого живого труда определялось при этом в первую очередь исходя из задачи поддержания максимально высокого плодородия земли» (*Славный Б.* Человек в системе производительных сил докапиталистических восточных обществ.—ААС. 1984, № 4, с. 25).

¹⁵ *Маркс К.* Британское владычество в Индии.—Т. 9, с. 132.

¹⁶ Следует отметить, что сведений об общине в Древнем Египте сохранилось не много. Это объясняется прежде всего тем, что в центре внимания чиновников находились интересы государства. Между тем уже в 30-е годы XX в. В. В. Струве и В. И. Авдиев выдвинули гипотезу о существовании древнеегипетской сельской общины, которую в настоящее время разделяют большинство советских египтологов. Следует учесть, однако, что под влиянием азиатского деспотизма община рано потеряла черты самоорганизующейся ячейки, превратившись в фискальную единицу. Это дает основания некоторым исследователям (например, И. А. Стучевскому) сомневаться в реальности ее существования. Тем не менее и эти исследователи пишут о коллективизме зернового хозяйства Египта (см.: *Стучевский И. Л.* Коллективность зернового хозяйства в древнем Египте эпохи Нового царства.—*Древний Восток и античный мир*. М., 1972, с. 37—45).

* Ссылки на сочинения К. Маркса и ф. Энгельса даются по 2-му изданию их Сочинений, ссылки на сочинения В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.